

Памятный зал – история проектирования и строительства

ГАЛИНА НИЛОВНА РОМАНОВА

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
e-mail: gala.romanova@gmail.com

В статье на основе архивных материалов и других источников уточняется история проектирования, строительства и украшения интерьера здания Памятного (Мраморного) зала, а также создания памятника императору Александру III. Войны и революции начала XX века помешали завершить полное декоративное оформление зала, не сохранился и памятник царю. Однако, этот зал, исполненный в лучших традициях классической архитектуры, украшенный редким сортом розового карельского мрамора, остается уникальным сооружением, не имеющим аналогов в петербургской архитектуре.

Ключевые слова: проектирование, строительство и реставрация Памятного зала, карельский розовый мрамор, памятник императору.

UDC [929.52+930.253]Свиньин В.Ф.

Memorial Hall – History of Design and Construction

GALINA N. ROMANOVA, PhD (History)

Researcher
Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia
e-mail: gala.romanova@gmail.com

Based on the archive materials and other sources, the article describes the history of design, construction and interior decoration of the Memorial (Marble) Hall building, as well as the creation of the monument to the Emperor Alexander III. The wars and revolutions of the early XXth century interrupted the completion of decorative design of the hall, and the monument to the tsar could not be preserved. However, this hall, made in the best traditions of the classical architecture, decorated with rare variety of pink Karelian marble, is a unique structure that has no analogues in the architecture of Saint Petersburg.

Key words: design, construction and restoration Memorial hall, pink marble, monument to the Emperor.

В 1895 году был основан Русский музей императора Александра III, в котором предполагалось открыть три отдела: отдел, посвященный памяти Александра III, и отделы Художественный и Этнографический. Главным залом музея должен был стать Памятный зал, посвященный императору. В официальных документах и прессе начала XX века зал называли также Александровским, Мемориальным, в советский период – Мраморным, академик Н.Е. Ферсман назвал его Розовым, восхитившись красотой редкого сорта карельского мрамора.

Проекты Памятного зала и Этнографического отдела первоначально архитектор В.Ф. Свиньин разрабатывал отдельно. Со временем ему удалось органично соединить их в единый комплекс, сделав царский зал композиционным и декоративным центром будущего Этнографического музея. Архивные источники свидетельствуют о том, что в течение всего периода строительства В.Ф. Свиньинным было создано несколько вариантов здания Этнографического и Памятного отделов. Наиболее полные и точные источники информации о создании

Этнографического и Памятного отделов находятся в архиве Государственного Русского музея: это, прежде всего, чертежи первого проекта, датированного 14 ноября 1897 года¹, и журналы заседаний Строительной комиссии, контролирующей стройку и работавшей с 1900 до 1916 года². Многие проекты, эскизы, расчеты архитектора не сохранились. Поэтому изучение архивных материалов, немногих изданий, посвященных этому залу³, а также сведений, полученных в результате реставрационных работ последних лет, помогают уточнить датировки, этапы строительства и изменений в проектах автора, выявить имена мастеров, трудившихся над созданием и украшением этого сооружения.

В первом проекте Этнографического отдела 1897 года архитектором были представлены планы первого и второго этажей, разрез и фасад здания по Инженерной улице. Однако, на самих чертежах местоположение Памятного зала выявить не представляется возможным. Самый ранний проект Памятного зала В.Ф. Свиньин предложил на первом заседании Строительной комиссии 15 марта 1900 года. Мартовский чертеж не сохранился, но из протокола Комиссии видно, что это был вариант приспособления под Памятный зал дворцового манежа, находившегося в восточном флигеле: «На предложенный Председателем вопрос, одобряет ли Комиссия представленный архитектором В.Ф. Свиньиним проект перестройки бывшего манежа в зал для Памятного отдела, Комиссия ответила утвердительно»⁴. В этот день комиссия постановила: «... зал должен быть сам по себе достойным памятником в Бозе почивающему Императору <...> указав на то, что в Отделе будет стоять статуя в Бозе почивающего Императора Александра III»⁵. В этот период в зале предполагалось установить портретную статую Александра III, сидящего на троне в дорогих одеждах с державой и скипетром в руках, выполненную скульптором М.М. Антокольским из каррарского мрамора в 1899 году.

На первом же заседании В.Ф. Свиньин высказал свое соображение по поводу привязки зала к месту, не совпадающее ни с тем вариантом, который он принес, ни с мнением членов высокой комиссии: «...в архитектурном отношении лучше всего было бы поместить зал, посвященный памяти Императора Александра III, в центре будущего Этнографического отдела, так как иначе не будет отдельного парадного хода в главный Отдел музея и, кроме того, один из лучших залов предполагаемого здания Этнографического отдела окажется в углу этого сооружения»⁶. Но Управляющий музеем великий князь Георгий Михайлович возразил архитектору и настоятельно рекомендовал оставить его в помещении бывшего манежа. Предложение князя было одобрено комиссией⁷. На следующее заседание

комиссии 8 мая 1900 года архитектор представил два проекта Памятного зала: один, прежний, от 14 марта, и другой, от 30 апреля 1900 года, который сохранился в архиве РЭМ. В его правом верхнем углу синим карандашом написано: «Одобрено», ниже черными чернилами – «Написано собственной Его Императорского Величества рукой в Петергофе 1-го июля 1900 г. Георгий», внизу, справа – подпись В.Ф. Свиньина и дата 30 апреля 1900 года⁸ (илл. 1). В журнале заседаний есть запись, которая содержит высказывания членов комиссии об обоих вариантах: «...проект от 14 марта представляет простое богатое помещение (так сказать, общее) для предметов устраиваемого хранилища, не имея само по себе вида памятника для соответствующего назначения; второй же проект составлен так, чтобы служить как своим архитектурным видом, так равно и всеми деталями украшений его постоянным напоминанием о целях этого сооружения»⁹. Благодаря сохранившемуся чертежу можно увидеть самый ранний облик интерьера будущего зала. Проект 30 апреля представлял вид Памятного зала в разрезе и содержал довольно подробную разработку помещения с рисунками колонн, падуги, набросками горельефа и статуи Александра III. Этот вариант проекта был направлен для обсуждения в Академию художеств. 30 мая 1900 года из канцелярии Академии художеств секретарю Строительной комиссии Русского музея А.А. Тевяшеву поступило уведомление «... проект В.Ф. Свиньина был передан на рассмотрение академической комиссии под председательством почетного члена Академии Р.А. Гедике, «...причем комиссия эта пришла к заключению, что убранство проектируемой залы в стиле «Empire» соответствует общему характеру здания музея, но при устройстве верхнего света, желательно, по возможности, его расширить, уменьшая падугу, а линию падуги держать покругче <...> статую надлежит поставить выше, потому что даже ее подножие ниже пола галереи, а следовательно для зрителей, находящихся на галерее, она поставлена низко. Место для барельефов не подходит, так как оно слишком близко к полу и самый барельеф на таком уровне крупен»¹⁰. Возможно, уже тогда замечания по поводу памятника привели В.Ф. Свиньина к мысли, что скульптура М.М. Антокольского не соответствует архитектуре зала ни по своей высоте, ни по своему стилю, что здесь нужен другой памятник. На заседании 18 августа 1900 года председателем Строительной комиссии И.И. Толстым был прочитан доклад «...Августейшего управляющего Русским музеем императора Александра III с представлением проекта постройки отдела, посвященного памяти Императора Александра III, составленного архитектором В.Ф. Свиньиним,

и о назначении последнего строителем этой постройки. Проект Высочайше одобрен и архитектор Свиньин утвержден строителем»¹¹. В 1902 году устроители музея пришли к решению снести старые служебные флигели, оказавшиеся непригодными для музейных целей, и предложили архитектору создать проект нового монументального здания Этнографического и Памятного отделов. В феврале 1903 года специально образованная академическая комиссия, в составе Л.Н. Бенуа, Г.И. Котова и В.В. Сулова, рассматривала проект нового здания музея, где Памятный зал уже занял центральное место. Таким образом, под давлением объективных обстоятельств, архитектору все же удалось осуществить свое намерение поместить императорский зал в центре Этнографического отдела. Почти на каждом заседании Строительной комиссии В.Ф. Свиньин обсуждал вопросы, связанные с декоративным оформлением зала. Больше всего его занимал барельеф. Для его исполнения архитектор пригласил молодых скульпторов М.Я. Харламова и В.С. Богатырева, которым Комиссией было поручено сделать первые эскизы в 1/3 требуемой величины. Председатель Комиссии И.И. Толстой высказал желание «...в этих скульптурных украшениях иметь бытовые народные картины»¹². На одном из заседаний членами Строительной комиссии скульпторам было предложено исполнить барельеф в гипсе в течение двух лет, к марту 1903 года, а затем отлить его в бронзе, однако, полностью фриз был готов только к 1907 году в гипсе, тонированном под бронзу. Таким он и сохранился до сегодняшнего дня. В.Ф. Свиньин с самого начала рассчитывал и денежные затраты на строительство, и называл вполне реальные суммы, которые Николай II утверждал. Так, 22 февраля 1901 года он доложил комиссии о том, что стоимость переустройства манежа под Памятный зал, включая мраморные и скульптурные работы, обойдется в 434 675 рублей¹³.

После сноса дворцовых флигелей сначала велись работы по устройству свайного фундамента будущего Памятного зала, в 1903 году фундамент был готов. В ходе строительных работ проект зала корректировался, об этом свидетельствуют материалы обеих комиссий и прессы, где подробно обсуждались все этапы строительства Этнографического отдела. Архитектор учитывал предложения Комиссии и дорабатывал проекты, пересчитывал сметы. В апреле 1904 года В.Ф. Свиньин представил Комиссии смету для обоих отделов, в которой на возведение Памятного зала требовалось уже 700 000 рублей¹⁴. Расходы на русско-японскую кампанию 1904–1905 годов привели к сокращению финансирования на строительство здания Этнографического отдела. Однако окончательный

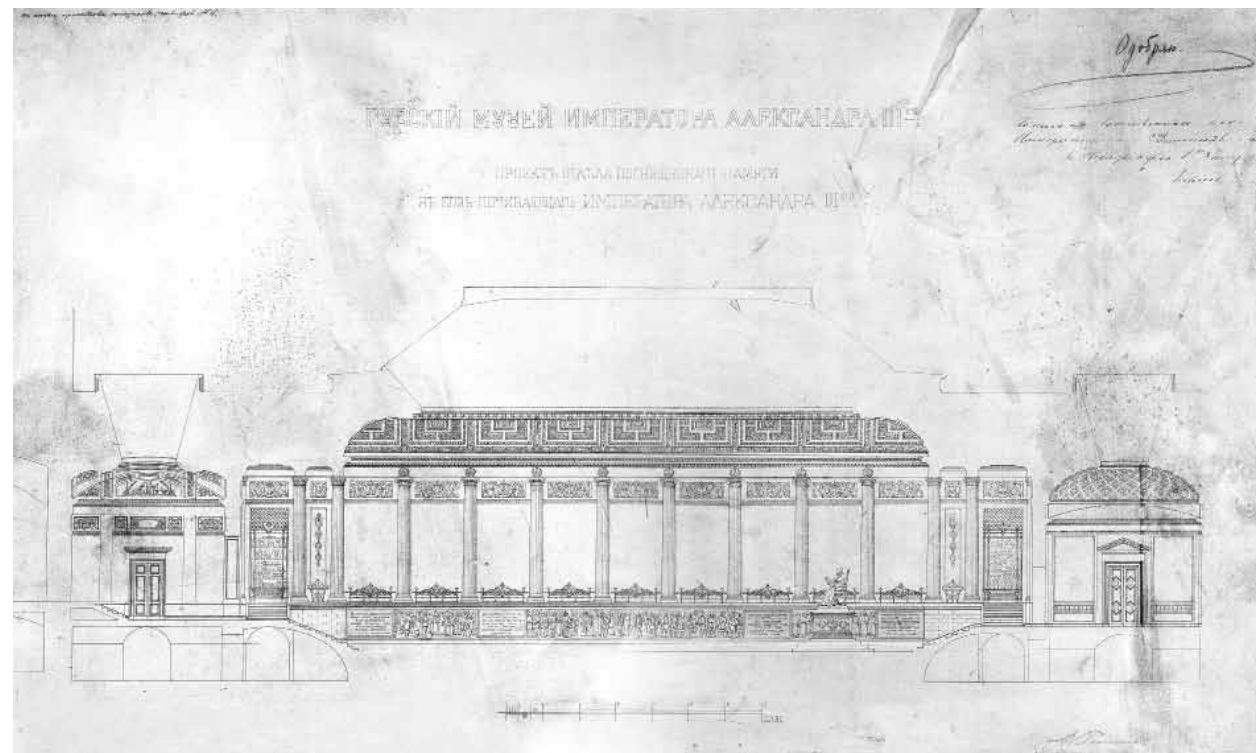
проект Памятного зала император утвердил в полном объеме 3 июня 1904 года со сметой в 742 669 рублей¹⁵. Строительство Памятного зала длилось 12 лет – с 1903 до 1915 года, но из-за войн и нагрянувших в 1917 году революционных событий довести до конца спроектированное убранство этого сооружения В.Ф. Свиньину не удалось. Памятный зал как главный зал Русского музея должен был демонстрировать величие Российской империи, мощь верховной власти во главе с императором, собравшим под своим крылом все народы страны. По замыслу архитектора на стройке применялись самые передовые технологии, использовались только российские материалы, а заказы исполнялись только российскими фирмами. Интерьеры Памятного зала и Этнографического отдела решено было украсить местным мрамором. В 1902 году для оценки его пригодности такой важной стройке Комиссией был приглашен горный инженер А.И. Дрейер, который затем участвовал в процессе подготовки скалы к взрыву¹⁶. Архитектор тоже участвовал в осмотре месторождения близ деревень Белая гора и Тивдия в Олонецкой губернии и следил за всеми работами на мраморных ломках. В этом же году началась заготовка и доставка мрамора к месту строительства. Процессом взрыва мраморного утеса Медвежья гора руководил опытный электротехник Н.В. Попов, а всеми работами на каменоломнях – десятник И.Д. Березкин¹⁷. В 1902 и в 1903 годах В.Ф. Свиньин посетил Германию, Францию и Италию с инженером Н.В. Поповым для знакомства с технологией обработки камня. Следствием этих поездок явился заказ Строительной комиссией оборудования для мраморных работ у иностранных фирм. В 1906 году на одном из заседаний Комиссии сообщалось: «...доставлены приборы и машины из заграницы для обработки олонецкого мрамора»¹⁸, «...доставлен из заграницы локомобиль, предназначенный для приведения в действие дополнительных станков для обработки олонецкого мрамора»¹⁹. Внучка В.Ф. Свиньина А.Н. Полушина писала, что из-за границы В.Ф. Свиньин привез схемы станков, и, чтобы сэкономить средства на их покупку, он с инженером Поповым спроектировал нужные станки, которые были изготовлены в Петербурге на Путиловском заводе²⁰. В Михайловском саду был устроен, как тогда его называли, «обделочный» завод для переработки камня, где и были установлены станки. Обработанные заготовки колонн из сада перевозили прямо в зал (илл. 2). Но на этом оборудовании, видимо, невозможно было изготовить все изделия из мрамора. Судя по документам, поступавшим в Строительную комиссию от владельца петербургского гранитного завода К.Ф. Верфеля, на его предприятии изготавлива-

лись плиты для пола Этнографического отдела и Памятного зала²¹. Кроме того, в обработке мрамора для отделки внутренних помещений музея участвовали также другие петербургские фирмы: «Н.А. Попов и К^о», и А.В. Кашенко²². В строительстве и украшении нового здания участвовали многие петербургские фирмы: в частности, базы и капители для колонн Памятного зала отливались в Петербурге на предприятии «А. Моран и К^о», для чего Главным артиллерийским управлением было отпущено 6 тысяч пудов пушечной меди²³, остеклением наружного фонаря над залом – фирма «Франк и К^о». В ходе строительства свои услуги предлагали немецкие фирмы и итальянские мастера, но архитектор и члены обеих комиссий отклоняли их предложения. В 1911 году, когда практически завершилась отделка зала мрамором, Комиссия Академии художеств и Строительная комиссия провели промежуточную приемку законченных работ. Мраморные работы Комиссии приняли, теперь оставалось устройство потолка. Все работы, связанные со сложной конструкцией подвесного потолка и перекрытиями, были выполнены на петербургском Металлическом заводе и на слесарно-кузнечном заводе «В.В. Палехов с сыновьями» в 1912–1913 годах.

В архитектуре и декоративном убранстве должна была воплотиться основная идея этого величественного сооружения, занимающего огромное пространство, площадь которого вместе с галереями около 1000 кв. м, высота 17 м. В.Ф. Свиньин, успешно окончивший Академию художеств, воспитанный на классических образцах архитектуры, один из первых в начале XX века великолепно применил при строительстве здания Этнографического и Памятного отделов стилизацию под ампир. Композиция Памятного зала представляет собой классический перистиль: 28 мощных колонн-монолитов ионического ордера весом 24 тонны каждая подняты на мраморный стилобат. Над колоннами – бронзовая ажурная падуга в виде косой сетки, поддерживающая потолок. Колоннада окаймляет галерею площадью около 300 кв. м. Капители колонн искусно декорированы царскими регалиями: гербом дома Романовых и монограммой Александра III (илл. 3). Потолок сделан из хрустальных плиток, на которых в солнечный день просматриваются изображения двуглавого орла в Андреевской ленте (илл. 4). Бронзовая падуга и хрустальные плитки были изготовлены и набраны ювелирами московской фирмы «И.П. Хлебников, сыновья и К^о»²⁴. Конечно, особую нарядность залу придает отделка розовым карельским мрамором, богатство оттенков которого создает эффект живописного полотна. Архитектор и скульпторы не только стремились к прославлению царской

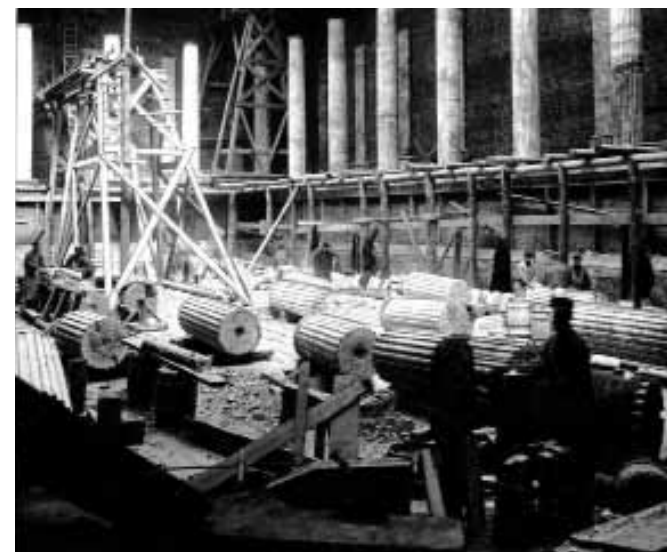
особы, но и хотели раскрыть содержание деятельности этнографического музея. Таким прологом к экспозициям стал фриз под колоннадой, выполненный скульпторами М.Я. Харламовым и В.С. Богатыревым. Фриз украшает зал и задает основную тему музейных экспозиций – этническое многообразие Российской империи.

Барельеф Мраморного зала – это оригинальное произведение искусства. Скульптурная полоса длиной 96 м, высотой 1,87 м проходит через три стены зала на удобной для обозрения высоте. На этом пространстве изображены 183 человеческие фигуры, представляющие разные этносы России. На барельефе можно увидеть русских, украинцев, грузин, литовцев, поляков, финнов, ненцев и людей других национальностей. Все фигуры барельефа скомпонованы в группы, представляющие жанровые сценки: люди занимаются традиционными хозяйственными делами, веселятся на празднике, выполняют обрядовые действия, сидят в кругу семьи. Отчетливо прослеживается тема дороги: массовое переселение крестьян в Сибирь, миграция населения в города на заработки. Самую большую группу образуют русские. В конце каждого раздела, посвященного тем или иным народам России, обязательно представлен какой-либо русский типаж. Этим подчеркивалась роль русских в объединении народов империи. Барельеф – прежде всего художественное произведение и, несмотря на его исключительный реализм и этнографическую достоверность, на нем невозможно найти все 150 этносов, проживавших в начале XX века в России. Его авторы, стремясь как можно более точно передать антропологические типы, разнообразие традиционной культуры, национального характера разных народов, хозяйственные занятия, много ездили по стране, готовили эскизы, делали скульптурные портреты с натуры, приобретали предметы традиционного быта. Образы барельефа собирательны, они не являются портретами конкретных людей, за исключением одного – писателя Л.Н. Толстого, изображенного в тулупе и лаптях среди русских крестьян. Когда фриз был закончен, у обеих Комиссий к нему не было претензий. Советские художники и искусствоведы высоко оценивали уровень мастерства и содержание барельефа. «Этот большой фриз решен очень оригинально. Здесь и национальность, и время, и события, и эпоха, сама техника тоже новая» – так сказал скульптор Н.В. Михайлов на юбилейном заседании, посвященном 100-летию со дня рождения М.Я. Харламова (илл. 5)²⁵. С самого начала В.Ф. Свиньин планировал отлить барельеф в бронзе, а также украсить зал довольно большим количеством других бронзовых деталей. В январе 1914 года он представил Комиссии «...чертежи Памятного отдела и фото-

Илл. 1. Первоначальный проект Памятного зала. 1900. Архив РЭМ

Илл. 5. Памятный зал сегодня. Фото О. Ганичевой

Илл. 2. В.Ф. Свиньин осматривает блоки для колонн Памятного зала. Личный архив А.А. Шокурова-Свиньина

Илл. 3. Капитель колонны с гербами и монограммой Александра III. Фото О. Ганичевой

графические снимки с исполненных в гипсе скульптурных изображений, состоящих из императорского герба и регалий и губернских гербов, предназначенных к установке в нишах между пилястрами Памятного отдела. По проекту В.Ф. Свиньина «...вышеуказанные скульптуры, отлитые в бронзе, являются деталями гладкой мраморной стены отдела и составляют переход к украшенным бронзой потолкам»²⁶. Через год Комиссия вновь обсуждала вопрос о «...художественно-декоративных работах: постановке бронзовых канделябров..., бронзовых украшений во впадине арки, на двух, примыкающих к ней пилястрах и на впадинах стен между пилястрами, а также постановке между колоннами бронзовых со стеклом витрин и декоративно-скульптурных предметов на тетивах ступеней»²⁷. Из-за отсутствия средств в бронзе были исполнены только падуга, капители и базы колонн зала. Вследствие указанных причин даже необходимые детали конструкции верхней части зала пришлось делать из разнородного материала. Так, чтобы удешевить работы, архитектор предложил три ряда орнаментальных обломков в мраморном карнизе над колоннами исполнить не в бронзе, а в белом цементе с имитацией под

Илл. 4. Пластинки хрустального потолка с гербом Российской империи в Андреевской ленте. Фото О. Ганичевой

Илл. 6. Памятник императору Александру III в Памятном зале 1915 г. Архив ГРМ

Илл. 7. Памятник Александру III в Аванзале. Архив РЭМ

Илл. 8. Падуга с фамилиями мастеров «мундировщиков». Фото П. Щербина

бронзу, а сам карниз и потолок галереи – из искусственного мрамора²⁸, что и было сделано.

К 1912 году обе Комиссии поддерживали пожелание архитектора создать своими силами новый памятник Александру III. В этом же году В.Ф. Свиньин представил Комиссии, в присутствии великого князя Георгия Михайловича, свой проект памятника, изображающего стоящего императора в порфире, с державой и скипетром в руках. Памятник одобрили и постановили исполнить его в бронзе. Но в 1914 году скульптор М.Я. Харламов создал новый проект памятника, уже без порфиры, скипетра и державы, более простой и лаконичный – стоящий на пьедестале император в военной форме опирается на саблю. В июне 1915 года в мастерской литейщика Нелли памятник был отлит из бронзы. Другие бронзовые части памятника были отлиты позднее, в журнальной записи от апреля 1915 года есть строка: «Фирма Хлебникова задерживает бронзовую подставку со ступенями для памятника Александра III, так как опытных рабочих забрали на войну»²⁹, но к декабрю подставка была уже готова. Пьедестал для памятника решено было сделать из уральской яшмы. Однако Екатеринбургская гранитная фабрика не приняла заказ, сославшись на то, что «... у нее нет необходимых инструментов, ни алмазных пил для резки, ни опытных мастеров для производства буровых и порохострельных работ»³⁰, поэтому заключили контракт с фирмой «Аксерио» в Петербурге на исполнение постаменты «... из искусственной яшмы с врезанной надписью с позолотой»³¹. В декабре 1915 года Комиссия приняла монумент, и он был установлен в центре зала (илл. 6).

В 1918 году вышел «Декрет о памятниках Республики», по которому «...памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг, не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц и частью перенесению в склады, частью использованию утилитарного характера»³². В РЭМ имеется фотография императорского памятника, снятого с пьедестала и лежащего на полу Аванзала (илл. 7). В Аванзале рядом с памятником стоит С.И. Руденко, занимавший должность директора Этнографического отдела с 1921 по 1928 год. Возможно, до открытия Этнографического отдела в 1923 году памятник еще находился в музее. Это можно объяснить тем, что монумент из Памятного зала интерьерный, поэтому он мог задержаться здесь еще в начале двадцатых годов прошлого века. Затем его, скорее всего, расплавили на заводе «Красный выборжец», где производилась переплавка бронзовых памятников для того, чтобы изготовить из этого материала новые советские скульптуры и, прежде всего, статуи и бюсты

В.И. Ленина. Автор царского памятника М.Я. Харламов, руководивший бронзолитейной мастерской на этом заводе, в середине 1920-х годов создал несколько бюстов и памятников В.И. Ленину из бронзы, два из этих памятников находятся в Петербурге, один – во дворе завода «Красный выборжец», другой – перед зданием Невского завода, оба были созданы в 1926–1928 годах.

В начале 1930-х годов зал несколько раз подвергался губительным разрушениям. В частности, в боковых стенах для дверных проемов были выломаны мраморные плиты и часть горельефа, в торце были проделаны отверстия для кинопроекторных фонарей. В эти годы в зале устраивались боксерские и шахматные турниры, давал представления этнографический театр, проходили торжественные заседания. Во время Великой Отечественной войны потолок, стены и колонны зала были сильно повреждены фугасными бомбами.

С начала 1950-х годов началась реставрация, в которой участвовали специалисты «Ленпроекта». Разрушенные части горельефа были восстановлены в 1951–1953 годах по фотографиям скульпторами М.М. Харламовой (дочерью скульптора М.Я. Харламова), М.А. Вайнманом, Е.А. Гендельманом, Л.М. Швецкой³³. К 1958 году зал был хорошо отреставрирован, но не полностью: разбитые хрустальные плитки потолка в центре зала были заменены простым стеклом.

В 2009–2011 годах петербургская фирма ООО «Возрождение» проводила научную реставрацию потолка зала. «Реставрация металлических конструкций и бронзового декора перекрытия была осуществлена по технологиям и методикам, разработанным реставратором архитектурного наследия П.Г. Щедриным. Технология изготовления хрустальных плиток, после многолетних экспериментов, была разработана художником, членом Санкт-Петербургского отделения Союза художников России, действительным членом Академии архитектурного наследия А.И. Яковлевым³⁴. Во время реставрации на металлическом корпусе обратной стороны падуги реставратором П.Г. Щедриным был обнаружен большой автограф, который уточняет дату установки хрустальных плиток потолка и называет мастеров: «1913 года 1 октября окончили работу мундировщики фабрики Хлебникова Федорь Григорьев Рагозин Чанин Михеев Судариков Петухов Волков Зюзик и дрия Доверенный оделением Федот Федоров Кондратьев директор фабрики Потащенко Владимир Иванович работа производилась всего музея 1 год 6 месяцев бронзовое украшение стоимостью 890 тысяч руп на память записал Рыбинской Мещенин Федор Григорьев Рагозин»³⁵ (илл. 8).

В настоящее время Мраморный зал Российского этнографического музея используется для временных выставок, книжных ярмарок, проведения приемов и презентаций, праздников, балов, конгрессов. В июле 1998 года, в день захоронения останков членов царской семьи, в нем состоялась поминальная трапеза по погибшим. На трапезе присутствовали все потомки царской фамилии. В 1990-е годы в зале были устроены три выставки, отражающие жизнь царской семьи и, отчасти, ее потомков: «Из царских архивов», «Оптические сны» – выставка фоторабот графа Л. Бернадотта, одного из потомков

Романовых, «Цари народам – народы царям». Роскошный зал талантливого мастера до сих пор остается уникальным образцом музейного интерьера, не имеющим аналогов в петербургской архитектуре, ему не хватает только главного образа, ради которого он и строился – памятника Александру III, и возвращения первоначального имени – Памятный.

Выражаю благодарность реставратору архитектурного наследия П.Г. Щедрину за любезно предоставленную копию фотографии этого нового документа о зале.

Материалы Архива Российского этнографического музея, связанные с деятельностью В.Ф. Свинына в период строительства здания Этнографического отдела Русского музея

АННА НИКОЛАЕВНА КОПАНЕВА

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
Хранитель секции рукописей
e-mail: kopaneva@bk.ru

Статья посвящена обзору документальных источников, связанных с деятельностью В.Ф. Свинына, хранящихся в Архиве РЭМ. Прежде всего, это проекты здания Этнографического отдела Русского музея, имеющие собственноручную подпись архитектора, а также неавторизованная проектно-инженерная документация (цианотипии), которая также имеет отношение к его работе. Эти источники, в комплексе с подобными, хранящимися в архиве Государственного Русского музея, дают возможность наглядно проследить историю проектирования, строительства и оснащения Памятного и Этнографического отделов Русского музея. Еще одна группа документов, рассматриваемая в статье, связана с работой комиссий по вопросам музейного выставочного оборудования, в первую очередь – протоколы и журналы заседаний, участником которых в 1908–1909 годах был В.Ф. Свинын.

Ключевые слова: В.Ф. Свинын, проектирование и строительство здания Этнографического отдела Русского музея императора Александра III, Архив РЭМ, изобразительные источники, письменные источники.

UDC 94(47)+069.2

RME Archive Materials Related to the Activity of V.F. Svinin During the Construction of the Building of Ethnographic Department of the Russian Museum

ANNA N. KOPANEVA

Acting keeper of the manuscripts section
Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia
e-mail: kopaneva@bk.ru

The article is devoted to the review of documentary sources related to the activity of V.F. Svinin stored in the RME archive. First of all, these are building designs of Ethnographic Department of the Russian Museum, which contain a handwritten signature of the architect, as well as unauthorized design and engineering documentation (cyanotypes) which, however, are clearly related to his work. These sources, together with the similar ones, stored in the State Russian Museum archive, make it possible to clearly trace the history of design, construction and equipping of the Memorial and Ethnographic Departments of the Russian Museum.

Another group of documents reviewed in the article is related to the work of Commissions for museum exhibition equipment, in the first place, they include the protocols and minutes of meetings in which V.F. Svinin participated in 1908-1909.

Key words: V.F. Svinin, design and construction of the building of Ethnographic Department of the Russian Museum of His Imperial Majesty Alexander III, RME archive, graphic sources, written sources.

¹ ОР ГРМ. Ф. 100. Оп. 1. Ед. хр. 232. Л. 1, 2.

² Для контроля над распределением финансов, сроками, качеством строительства, выбора фирм в 1900 году была создана государственная комиссия во главе с «Августейшим Управляющим» – великим князем Георгием Михайловичем, которая называлась «Высочайше утвержденная строительная комиссия по устройству отделов, посвященных памяти императора Александра III и Этнографического при Русском музее императора Александра III»: ВА ГРМ. Ф. ГРМ (1). Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 64. Позднее была организована комиссия Императорской Академии художеств, возглавлявшаяся профессором Р.А. Гедике, в состав которой входили известные архитекторы Л.Н. Бенуа, Г.И. Котов, В.В. Суслов: ВА ГРМ. Ф. ГРМ. Ф. 188. Ед. хр. 15. Л. 35.

³ Перскевич З.А. К. Росси – В. Свинын. Источники архитектуры Памятного зала Александра III. ГРМ. Конференция, посвященная научно-исследовательским работам за 1998 г. Тезисы докладов. – СПб.: 1999. – С. 57, 58; Молоканова Р. Желтые листья клена. – СПб.: Изд-во «Ольга». 1998. – С. 83–92; Полухина А.Н. Создатель «Розового зала» / Архитектор В.Ф. Свинын // История Петербурга. – СПб., 2002. – Т. 2. – С. 49–51; Понтюкова А.В. Памятный отдел Русского музея Императора Александра III; неосуществленные проекты // Император Александр III и Императрица Мария Федоровна. Мат-лы науч. конф. Сб. статей. – СПб.: 2006. – С. 95–106; Черненко В.А. Товарищество производства серебряных, золотых и ювелирных изделий «И.П. Хлебников, сыновья и К^о» / Работы для Памятного зала Русского музея Императора Александра III // Поставщики Императорского двора. Мат-лы XIX Царскосельской науч. конф. 25–27 ноября 2013 года. – СПб.: Серебряный век. 2013. – С. 327–340.

⁴ ВА ГРМ. Ф. ГРМ (1). Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 65 об.

⁵ Там же. Л. 65 об., 66 об.

⁶ Там же. Л. 64 об.

⁷ Там же. Л. 64 об.

⁸ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 1. Л. 1.

⁹ ВА ГРМ. Ф. ГРМ (1). Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 1.

¹⁰ Там же. Ед. хр. 127. Л. 75, 75 об.

¹¹ Там же. Л. 5, 5 об.

¹² Там же. Л. 12 об., 13.

¹³ Там же. Ед. хр. 154. Л. 4.

¹⁴ Там же. Ед. хр. 252. Л. 7.

¹⁵ Там же. Л. 12, 12 об, 13.

¹⁶ Там же. Ед. хр. 191. Л. 4.

¹⁷ Там же. Л. 8 об.

¹⁸ Там же. Ед. хр. 303. Л. 28.

¹⁹ Там же. Л. 33.

²⁰ Полухина А.Н. Указ. соч. – С. 49.

²¹ ВА ГРМ. Ф. ГРМ (1). Оп. 1. Ед. хр. 152. Л. 12.

²² Там же. Ед. хр. 253. Л. 18.

²³ Там же. Ед. хр. 303. Л. 32.

²⁴ Там же. Ед. хр. 502. Л. 4.

²⁵ Ефремов И.В. Матвей Яковлевич Харламов. – Л.: Художник РСФСР, 1986. – С. 22.

²⁶ ВА ГРМ. Ф. ГРМ (1). Оп. 1. Ед. хр. 594. Л. 2 об., 3.

²⁷ Там же. Л. 18.

²⁸ Там же. Ед. хр. 502. Л. 6 об.

²⁹ Там же. Ед. хр. 638. Л. 3.

³⁰ Там же. Ед. хр. 507. Л. 15.

³¹ Там же. Ед. хр. 638. Л. 2.

³² Декрет о памятниках Республики от 12 апреля 1918 года: Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1959.

³³ Восстановление памятников архитектуры Ленинграда. – Л.: Стройиздат, 1983. – С. 303–305. Сообщения автору скульпторами М.М. Харламовой и Л.М. Швецовкой в 1998 году.

³⁴ Черненко В.А. Указ.соч. – С. 338.

³⁵ Мундировщиками в начале XX века называли ювелиров, которые вставляли драгоценные камни в оправу.